

Оптинские старцы являли собой пример того, как правильно относиться к скорбям и искушениям, которых было очень много в их жизни.

... Врагу ненавистно духовное руководство, старчество, которое обессиливает его козни, так же как ненавистна умносердечная непрестанная молитва, без которой нельзя стяжать даров духовного рассуждения и самого старчества. Поэтому так ополчается враг на старцев.

Схимонаха Феодора, учителя преподобного Оптинского старца Льва, всю жизнь преследовала страшная клевета и зависть. Такая же участь постигла и его ученика. Много лет пришлось им вести жизнь скитальческую, переходить из одной обители в другую, терпя от людской злобы, возбуждаемой врагом нашего спасения.

Все двенадцать лет старчества первого Оптинского старца Льва в монастыре были наполнены скорбями: гонениями, доносами, интригами, клеветой, непониманием и осуждением. Старца переселяли из скита в монастырь, из одной кельи в другую, запрещали принимать страждущих, носить схиму, в которую он был пострижен келейно. Все это преподобный Лев принимал с полным благодушием и переходил на новое место с любимой иконой — Владимирским образом Божией Матери (когда-то им благословил его наставника, схимонаха Феодора, старец Паисий Величковский) и пением «Достойно есть».

Преподобный Макарий также претерпел множество скорбей. Не раз, особенно в последние годы своей жизни, старец выражал близким ученикам свою душевную скорбь о том, что не знает, куда бы и как уклониться от множества народа. Не раз, чувствуя крайнее изнеможение и упадок физических сил, решался он прекратить вовсе умножавшуюся ежегодно свою духовную переписку; но, по примеру своего учителя, преподобного Льва, побеждаемый силой и горячностью любви к страждущим, а более всего — по смирению, не посмел сам сойти с креста пастыря.

Примером терпеливого перенесения скорбей был и преподобный Моисей, о котором вспоминали следующие:

«Одну из главнейших причин всегда мирного устройства отца архимандрита Моисея и вместе с тем одну из отличительнейших и замечательнейших черт его составляло то, что он никогда не желал настойчиво, чтобы исполнялась его воля, но, напротив, с совершенною покорностью и в малом, и в великом предавался воле Божией. Как и что ни случись, никогда он ничем не возмущался.

Случалось, что дает он кому-либо из братии поручение, а по обстоятельствам оно исполнится не так, как он предполагал. «Видно, не было на то воли Божией», — говорил он в подобных случаях и спокойно отказывался от прежнего своего предположения. «На все потребно иметь готовое терпение, — еще говорил старец, — и хотеть не иначе, как будет, дабы не нарушалось спокойствие духа». И сам среди труднейших обстоятельств в исполнении этого правила находил себе спокойствие духа».

Все случавшееся с ним старец принимал как от Господа: скорбное — как посланное для пользы душевной, утешительное — как знак Отеческого милостивого Промышления.

Его родной брат преподобный Антоний также терпел большие скорби. В 1836 году у старца от утомительных трудов открылась тяжелая болезнь ног, которая причиняла ему жестокие страдания до самой кончины. Ноги до колен были покрыты ранами и порой сильно истекали кровью. Сокровенным монашеским подвигом преподобного Антония было несение через всю жизнь этого креста тяжелого, продолжительного недуга. Многие, видя всегда светлое его лицо и слыша его оживленную беседу, не понимали, какой страдалец находится перед ними.

Очень тяжело болел в конце жизни преподобный Иларион. В последние недели он уже не мог ложиться в постель, не мог сам двигаться и до самой кончины своей сидел в кресле. Скорбные страдания старец переносил терпеливо: «Еще время терпит, — говорил он, — я еще несколько недель проживу в кресле; в водяной болезни недели по четыре сидят». Этими словами старец, как впоследствии оказалось, как бы предназначил время своего сидения с 21 августа по 18 сентября, то есть четыре недели и один день.

Несмотря на чрезмерную болезненную слабость, бессонницу, постоянную одышку, переходившую по ночам в удушье, на чрезвычайные боли, появившиеся в последние дни от некоторых болезненных припадков, старец до последнего утра своей жизни ни разу не оставил исполнения положенных в скиту молитвенных правил.

... Великий Оптинский старец преподобный Амвросий также терпел тяжелые скорби. Преподобным Льву и Макарию, введшим в монастыре традиции старчества, умной молитвы, пришлось столкнуться с непониманием, клеветой, гонениями. У преподобного Амвросия не было подобных внешних скорбей, но,

пожалуй, никто из Оптинских старцев не нес такого тяжелого креста болезни. На нем сбывались слова: «Сила Божия в немощи совершается».

Святые отцы перечисляют около семи духовных причин болезней. Об одной из причин они говорят: «Став праведными, святые претерпевали искушения или по причине каких-то недостатков, или чтобы получить большую славу, потому что обладали великим терпением. И Бог, не желая, чтобы излишек их терпения оставался неиспользованным, попускал им искушения и болезни».

Еще в молодости, во время поездки в Калугу для рукоположения в иеромонахи, преподобный Амвросий, изнуренный постом, схватил сильную простуду и тяжело заболел. С тех пор старец уже никогда не мог поправиться. Здоровье у него оставалось настолько слабым, что в 1846 году его по болезни вывели за штат. Всю оставшуюся жизнь он еле передвигался, страдал от испарины так, что переодевался по несколько раз в сутки, не выносил холода и сквозняков, пищу употреблял только жидкую, в количестве, которого едва бы хватило трехлетнему ребенку.

Несколько раз он бывал при смерти, но каждый раз чудесным образом, при помощи благодати Божией, возвращался к жизни. Находясь в такой немощи, старец нес подвиг духовного окормления многочисленных чад и паломников, исцелял больных, молился за страждущих, наставлял и помогал духовным советом.

Старец принимал у себя в келье толпы людей, никому не отказывал — народ стекался к нему со всех концов страны. Вставал он в четыре-пять часов утра, звал к себе келейников, и читалось утреннее правило. Затем старец молился один. С девяти часов утра начинался прием посетителей. Часа в два преподобному приносили скудную еду, после которой он час-полтора оставался один. Затем читалась вечерня и возобновлялся прием страждущих, который длился до самой ночи. Часов в одиннадцать совершалось длинное вечернее правило, и не раньше полуночи старец оставался наконец один. Так в течение более тридцати лет, изо дня в день, преподобный Амвросий совершал свой подвиг служения ближним.

Преподобный Анатолий (Зерцалов) также пережил много скорбей. Будучи иноком, он жил в угловой башне монастыря. От непривычки мало спать, от неудобных помещений и непривычных трудов в обители у молодого человека стала очень болеть голова. Иногда целыми днями лежал он с больной головой, и некому было подать ему воды; часто оставался и без пищи, когда на трапезу ходить не мог. А внизу в башне было место, где кололи дрова. Этот стук еще более отягощал положение больного.

После тяжелых физических трудов ему дали клиросное послушание, но оно скоро закончилось. Регент выгонял за клирос высокого инока, чтобы не закрывал нот, требовал оттуда смотреть и петь, и он слушался. Затем регент-простец осердился на нового певчего, что тот порой, как знаток пения, делал ему деловые указания, и пожаловался на него отцу настоятелю.

Будущего старца и отправили на кузницу. Тяжело было ему на этом послушании; спать приходилось здесь же, скамеечка — маленькая, узкая и короткая, а он был высокого роста. Ляжет, закроет голову свиткою — ногам холодно; ноги накроет — голове холодно. Путем этих мелких, по-видимому, но очень тяжелых огорчений вырабатывался в молодом послушнике, будущем старце, дух смирения и терпения, кротости и твердости.

Преподобный Иосиф, в миру Иван, келейник и сотаинник преподобного Амвросия, о том, что такое скорби, узнал с детства. Когда он был ребенком, любимая сестра ушла в монастырь, и он тосковал по ней. В четыре года остался без отца, а в одиннадцать лет — без матери.

Старший брат стал полным хозяином имущества. Был он человеком неплохим, но страдал слабостью винопития. И когда через год после смерти матери старшая сестра приехала из монастыря навестить братьев, дом и родительское имущество были спущены до нитки.

Так Господь вел Ивана путем скорбей и испытаний. Ему пришлось работать и в трактире, и в бакалейной лавке, таскать пятипудовые мешки и прочие тяжести, сопровождать обозы с товаром. Воры снимали с него сапоги, он тонул, переноса доски с плотов, падал в обморок от голода, скитался, бывал бит жестоким хозяином, подвергался многочисленным опасностям и искушениям.

Господь привел Ивана в Оптину. По Оптинским обычаям, новоначальных для смирения отправляли на трудное и хлопотливое послушание в трапезную. Юноша стал помощником повара в скиту. Но молодой послушник, хлебнувший горя в миру, только радовался, что оказался в тихой обители, далеко от искушений и суеты.

Когда Иван стал келейником старца Амвросия, ему пришлось терпеть многочисленные столкновения, искушения, происходящие случайно и намеренно, «для испытания». Старший келейник, суровый и угрюмый, часто делал ему выговоры, иногда несправедливо. У Ивана не было даже своего угла, где бы мог он почитать, помолиться, отдохнуть. Спал в приемной, чуть не до полуночи полной посетителями, а в час ночи надо было уже идти к утрени.

И это было школой смирения, когда учился молодой послушник терпению и самоукорению, которые так сладостны и благодатны. Несправедливость раздражает обычного человека, но если он учится принимать все как из руки Господа и считает себя достойным всякого осуждения, то становится духовно опытным подвижником и обретает мир и покой, радость о Господе.

В 1877 году молодой монах был рукоположен в иеродиакона. Жизнь его оставалась все такой же многотрудной, полной дел и забот. По-прежнему он не имел своей кельи и спал в приемной, которая была занята посетителями с утра и до ночи. Однажды, изнемогая от трудов, отец Иосиф дождался в темном проходном

коридорчике, пока старец Амвросий закончит прием посетителей, и заснул, сидя на пороге. Старец по дороге в свою спальню споткнулся о келейника. Разбуженный отец Иосиф только кротно улыбнулся, а его великий наставник, несомненно, вознес молитву за своего преданного ученика, чтобы Господь укрепил его в подвиге смирения и терпения.

10 октября 1891 года преподобный Амвросий скончался, оставив по себе великое множество плачущих. Но скорбь его ближайшего ученика и чада была, несомненно, самой тяжелой. И вот в эти скорбные минуты обнаружилась во всем величии его мужественная крепкая душа. В то время как многие весьма духовные люди были потрясены этой преждевременной, как казалось, кончиной, один преподобный Иосиф ни на минуту не потерялся, не упал духом, но нашел в себе силы утешать и успокаивать других. В нем все увидели надежное пристанище и оплот среди скорбей и жизненных бурь, нашли поддержку духовную.

... Много скорбей было и у преподобного Варсонофия. Несмотря на великие духовные дарования старца, нашлись недовольные его деятельностью: путем доносов, интриг и жалоб в 1912 году он был удален из Оптиной и назначен настоятелем Старо-Голутвина Богоявленского монастыря, крайне расстроенного и запущенного. Смирненно просил старец оставить его в Оптинском скиту для жительства на покое, просил позволить ему остаться хотя бы и в качестве простого послушника. Но просьба его осталась без ответа.

Сборы старца, не имевшего почти никакого имущества, были недолгими. Он говорил духовным чадам: «Немного вещей беру я с собою: образа все остаются, а из картин возьму только портрет великого старца и духовного благодетеля моего отца Анатолия и батюшку отца Амвросия. Остальное останется так, как было». Мужественно перенося скорбь от разлуки с любимой Оптиной, старец принялся за благоустройство вверенной ему обители. В скорбях преподобный Варсонофий не падал духом, а переносил их мужественно и стойко.

Духовное чадо старца, отец Феодосий, писал о последних месяцах его жизни — феврале и марте 1913 года: «Между тем как православный верующий народ стекался к старцу за получением облегчения не только душевных, но и телесных недугов, самого батюшку подтачивал в это время лютый недуг. Давно уже, свыше двадцати лет, напал он на батюшку и с тех пор не оставлял его до гроба. Непрестанные батюшкины заботы о Голутвине, многочисленные огорчения, переутомление и часто совершенное изнеможение в непосильных трудах с каждым днем усиливали его недуг...

Батюшка не прекратил приема народа, хотя силы его с каждым днем заметно падали. Народ он принимал до тринадцатого марта, а жить ему оставалось чуть более двух недель. Уже умирающий, изнемогающий от боли, он не мог отказать страждущим и ищущим старческого окормления и утешения».

Преподобному Анатолию (Потапову) суждено было стать свидетелем исполнения грозных пророчеств Оптинских старцев. Монахов ссылали, арестовывали, издевались над ними. Во второй половине 1918 года в монастыре стало не хватать хлеба, недоставало вина для Божественной Литургии. Братия терпели голод, научились делать хлеб из гречневой мякины. После службы из церкви выходили в большой физической слабости.

Когда духовные чада предложили преподобному Анатолию на время оставить Оптину, он ответил решительным отказом: «Что же, в такое время я оставляю святую обитель? Меня всякий сочтет за труса, скажет: когда жилось хорошо, то говорил: терпите — Бог не оставит; а когда пришло испытание, первый удрал. Если и погонят, то тогда оставляю святую обитель, когда никого не будет. Последний выйду и помолюсь и останкам святых старцев поклонюсь, тогда и пойду».

После закрытия монастыря и реорганизации его в сельхозартель старец был арестован. По дороге в тюрьму он тяжело заболел, и ему, ошибочно приняв старца за тифозного, остригли волосы и бороду. Вернулся он в обитель совсем измученный, еле живой, но со светлой улыбкой и благодарением Господу. Когда его увидели остриженным, многие не узнали батюшку, а потом очень опечалились. Старец же веселый вошел в келью и сказал, перекрестившись: «Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!» — и, осмотрев всех, добавил: — «Посмотрите, каков я молодчик!»

Потом сел пить чай и весело рассказывал о своей поездке в Калугу: «Как там хорошо! Какие люди хорошие! Когда мы ехали в поезде, у меня была рвота. Дошли пешком, а там владыка Михей почему-то стал требовать лошадь. И зачем это он выдумал? Все братья пошли, а мы сидели в “чеке”. Там курили, было душно. У меня поднялась рвота, и меня отправили в больницу, подумали, что у меня тиф. Там меня остригли, но это ничего — так гораздо легче. Доктор, такой хороший, сказал, что по ошибке счел меня за тифозного и велел остричь,— очень извинялся. Такой хороший! Сторож в больнице тоже очень хороший... Сестра — тоже очень хорошая — была у отца Амвросия... Да, хорошие люди, хорошие... Знаешь, тот, кто меня арестовал, после сказал, что по ошибке меня арестовал, и просил простить его и даже руку у меня поцеловал. Я сказал, что это ничего, что я очень рад, что съездил в Калугу».

Свою «арестантскую» поездку ... и тяжкие страдания старец описывал с детским беззлобием и райским благодушием — как духовное паломничество. Старец никого не осудил. В тяжелых испытаниях он явил правду Божию, исполнил заповедь Господню о любви ... благословлял ... прощал ... молился за обижающих.

29 июля 1922 года в монастырь приехала ... комиссия. Старца долго допрашивали и хотели увезти.

Преподобный Анатолий сохранял мирное расположение духа и смиренно просил отсрочить ... на один день, чтобы ему можно было подготовиться в путь. ... После этого преподобный уединился у себя в келье и в молитве предал свою душу Богу.

На другой день утром приехала комиссия. Спросили келейника: «Старец готов?» «Да,— ответил он,— готов» — и открыл перед посетителями дверь кельи, посреди которой уже стоял гроб с телом почившего старца. Так Господь чудно призвал к Себе Своего верного раба, исполнившего все Его повеления и заповеди, сподобив Своего угодника в последнюю ночь молитвенно подготовиться «в путь вся земли» и не попустив надругаться над Своим избранным сосудом.

... Ярким примером терпения скорбей, смирения, кротости являлся преподобный Нектарий. После закрытия монастыря, в Вербное воскресенье 1923 года преподобного Нектария арестовали. Старца повели в монастырский хлебный корпус, превращенный в тюрьму. Он шел по мартовской обледеневшей дорожке и падал. Комната, куда его посадили, была перегороджена не до самого верха, а во второй половине сидели конвоиры и курили. Старец задыхался от дыма. В Страстной четверг его увезли в тюрьму в Козельск. Позднее из-за болезни глаз старца перевели в больницу, но поставили часовых. Все истязания преподобный переносил безропотно.

После тюрьмы власти потребовали, чтобы преподобный Нектарий покинул Калужскую область. Без монастыря, без братии, в ссылке он пребывал в великой борьбе душевной, был глубоко потрясен и печален. Все утешение его было в молитве. Однажды уходящий от него обернулся и увидел, как преподобный, с руками, простертыми, как у ребенка, зовущего мать, весь обратился к иконам.

Преподобный Нектарий рассказывал своим духовным детям, что к нему явились все Оптикинские почившие старцы и сказали ему: «Если хочешь быть с нами, не оставляй своих духовных чад». И он вернулся к старчеству. Жившие с ним уверяют, что духовный перелом был явен: к ним вышел прежний старец во всей силе духа.

В годы тяжелых искушений, страшных испытаний для Русской Православной Церкви, для всей России преподобный Нектарий брал на себя бремя людских грехов, нес крест старческого служения. Почил он в ссылке, в изгнании.

Преподобный Никон был великим образцом терпения, всегда, с дней юности и до кончины своей, благодушно переносил все ниспосланное ему Богом. Душа его, горевшая твердой верой и любовью к Богу, все случающееся с ним принимала с благоговением как от Самого Господа.

Изгнанный из Оптиной Пустыни в июне 1924 года ... он в последний раз отслужил всенощное бдение, покинул монастырь и переселился в город Козельск, где служил в Успенском соборе, окормлял уцелевших шамординских монахинь и паломников, принимал народ, выполняя свой пастырский долг.

Его арестовали в июне 1927 года. Около года преподобный Никон пробыл в тюрьме в Калуге, три страшных года провел в лагере ... По окончании срока его приговорили к ссылке в Архангельскую область. В августе 1930 года преподобного Никона отправили на Пинегу, в деревню Воспола.

Это было его последнее земное пристанище, последний этап земного страдания. Он нашел квартиру в доме одной женщины, которая поставила условием своему квартиранту выполнять все тяжелые физические работы по дому. Состояние здоровья старца ухудшалось с каждым днем, он недоедал.

Хозяйка с характером исключительно сварливым, злым и жестоким помыкала им, как своим рабом. Казалось, что сам бес вселился в нее, заставляя мучить больного. Жестокая старуха не давала ему ни покоя, ни отдыха. Изнемогая от слабости, он беспрекословно выполнял все при постоянно повышенной температуре и с большой ногой.

Однажды от непосильного труда страдалец не смог встать. В конце концов, узнав, что он неизлечимо болен туберкулезом, хозяйка в зимнюю стужу выгнала постояльца из дома, выбросив на улицу все его вещи. Тогда товарищ по несчастью бывший насельник Оптиной Пустыни иеродиакон Петр перевез умирающего отца Никона в деревню Валдокурье, где жил и сам.

Во время предсмертной болезни, несмотря на все усиливающиеся страдания, а под конец и полную беспомощность, он оставался верным данному им обету терпеть все и не только почти не жаловался никому на свою болезнь, но и не требовал и не просил ничего для облегчения своих мук, не выказывая ни делом, ни словом, ни даже взглядом своего неудовольствия чем-либо, смиренно принимая все ниспосланное ему как должное. До последних минут преподобный Никон продолжал выполнять свое молитвенное правило, читал Священное Писание, заботился о духовных чадах и писал им записки слабеющей рукой.

Преподобный Исаакий Оптинский II был последним настоятелем старой Оптиной. Он управлял монастырем в самое тяжелое для обители время — с 1914 по 1923 годы: Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции и гонения на Церковь. Архимандрит Исаакий вместе с братией испытал все скорби ... Не отступая ни на шаг, не прячась от гонителей, преподобный Исаакий показывал пример исповедничества. Он был достойным преемником Оптикинских старцев. Венцом его многотрудного и неуклонного восхождения по лестнице духовной и свидетельством пламенной любви к Богу стала его мученическая кончина за Христа в 1938 году.

Преподобные отцы наши, старцы Оптикинские, молитесь Бога о нас, грешных!